

Злодей по расписанию

*Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?..*

/ С. Есенин /

Я доволен даже не тем, что сделал ЭТО, что не отступил в последний момент, главное – достиг цели и теперь свободен от больших желаний и могу жить спокойно...

Сколько себя помню, мать постоянно подавляла меня. Не скажу, что рос забитым – послушным я рос. Чтобы не огорчать болезненную мамочку, которая, чуть что, и сразу хватается за бутылочку с валерьянкой. Капает лекарство в стаканчик, вздыхает, потом пьет и держится за сердце: изображает вселенское горе-несчастье, причем с одной целью – чтобы я прочувствовал свою неправоту, чтобы до меня дошло: поступать подобным, вызывающе-революционным, способом по отношению к любящему и заботливому человеку категорически запрещено, в противном случае... потеряешь его навсегда, потом только и останется, что лить слезы и запоздало молить о прощении. Приходилось уступать, так сказать, выбирать из двух зол меньшее.

Вроде бы понимал – шантаж, игра на публику, причем игра бездарная, без всяких новшеств, но шел на поводу. После злился на собственную мягкотелость и материнское нежелание почувствовать и понять собственное чадо. Когда чадо незаметно подобралось к становлению подростковой личности и попыталось вступить, хотя бы, в легкий конфликт, в квартиру нагрянула «Скорая медицинская помощь», предварительно вызванная самой же больной, которая тут же легла на диван, закрыла глаза и театрально уложила ладонь на лоб. Страдальческий вид матери действовал на меня убийственно. Хотелось распахнуть окошко и сигануть вниз, чтобы положить конец «бесконечным издевательствам». Именно так выражалась моя мама по поводу моих редких восстаний, которые и восстаниями назвать никак нельзя. Так, бурчание под нос. В итоге прибывший доктор провел манипуляции по возвращению с того света, одарил меня понимающе-сочувственным взглядом

и благополучно отбыл. Но его молчаливая поддержка подействовала на меня успокаивающе и ободряюще. Я раздумал сигать в окно и обнаглел до такой степени, что укориженно заметил:

- Из-за тебя какой-то по-настоящему больной не получил необходимой медицинской помощи, что может чревато отразиться на его здоровье. Я уж не говорю, что человек может умереть.

Глаза матери вывалились из орбит. Неожиданное заявление лишило ее голоса, а я воспользовался моментом и улизнул из дома.

Но это произошло в первый и последний раз. Наверное, вырос чересчур чувствительным к боли, даже чужой, заботливым и сдержанным. Любые эмоциональные всплески привык гасить в зародыше.

Но однажды, во время очередного «сердечного приступа», я молча вышел в прихожую, схватил с вешалки куртку и покинул квартиру, осторожно прикрыв за собой дверь, как бы извинялся, что мне срочно пришлось уйти. По лестнице спускался медленно, словно раздумывал, не вернуться ли. Вернуться и попросить прощения. Автоматически, как бы совершая привычный ритуал, за которым восстановится временное перемирие. Незаметно оказался на улице и двинул, куда глаза глядят. Глаза глядели, естественно, на дом, расположенный в двух кварталах, где проживала на тот момент моя большая симпатия, Галка Криворучко, девочка из параллельного класса. Я бросил в окошко на втором этаже мелкий камешек. Галка выглянула, кивнула и скрылась. Я присел на скамейку под кленом, обвешанным необычайной красоты желто-красными листьями, – дело было осенью – и приготовился к долгому ожиданию: подруга тщательно готовилась к встрече со мной, завидным парнем школы и ближайших окрестностей. Однако на этот раз всё пошло не по привычному расписанию. Галя пулей вылетела из подъезда, едва я примостился на скамейке. В широко распахнутых глазах девочки притаился невероятный испуг на грани ужаса. Как оказалось, моя мамочка, которая, как я думал, знать-не знает о моей большой симпатии, позвонила на квартиру Криворучко (откуда только номер телефона узнала) и сообщила, что единственный сын довел ее потери сознания своей грубостью и вызывающим поведением. От обиды мать потеряла сознание, упала на пол, едва не разбив свою несчастную голову. Смогла дотянуться до телефона, и то слава богу. И теперь ей крайне необходима забота и внимание того самого грубияна.

Еще повезло, что родителей Галки не было дома, и они не услышали всю эту чушь. Подружка не была посвящена в наши сложные отношения с матерью,

знала меня совершенно с другой стороны, считала меня неконфликтным и добрым парнем, но умеющим дать резкий отпор. Я не нашел ничего лучше, как схватить Галину за руку и потащить к себе домой.

Мать сидела на кухне и пила кофе, покачивая правой ножкой, перекинутой через левую. Едва я появился, она спокойным тоном поинтересовалась:

- Обедать будешь?

Спокойствие явно было напускным. До моего появления мать, без сомнения, сильно нервничала. А теперь в глазах притаилась радость по случаю быстрого возвращения блудного сына. Чрезвычайно быстрого, что является подтверждением сыновьего раскаяния.

Присутствие нового участника театрального действия смутило мать, но она быстро взяла себя в руки, попыталась изобразить легкое недомогание, повесив на лицо маску страдальца. Галка стушевалась и сдала назад, бормоча извинения. Я вернул ее мягкой силой и пригвоздил к стулу. Разлил чай по чашкам, выставил на стол вазочку с вареньем и повел с гостьей разговор на сугубо личную тему о школьной жизни, дав понять, что хозяйка квартиры лишняя на этом празднике жизни.

Мать любила унижать других, но не выносила, когда унижают ее, как не выносила выяснять отношения с кем-либо. Поэтому тихо удалилась.

Странно, что после этого случая она не указала мне на мое некрасивое поведение. Видимо, сообразила, что со звонком на квартиру Криворучко слегка перебрала, мягко скажем.

Жаль, что по окончании школы мать не поступила в театральный, глядишь, выпускала бы пар на сцене, выматывалась, а домой возвращалась нормальным человеком. Хотя, вопрос спорный.

Надо сказать, что с Галкой мы какое-то время еще дружили, но затем тихо разбежались. Весной я уже выбрал себе новый объект для воздыхания – молоденькую учительницу пения Анну Сергеевну. О моем интересе никто, включая и сам объект, не догадывался.

В ту пору мне было двенадцать. Сейчас вспоминать об этом смешно и немного грустно.

Как там у классиков? Шли годы... С девушками у меня не складывались отношения. Нет, поначалу всё шло гладко, но потом влезла маман. Не всегда я знакомил ее со своими избранницами, чаще она сама «случайно» попадалась на нашем пути. Знакомилась, мило улыбалась, приглашала «заглянуть на чай». Будто бы знакомство прошло гладко... Как бы не так. По возвращению домой я выслушивал «ах, какая хорошая девочка... Лена, Валя, Катя... и т.д., ах, как мы очень подходим друг другу». Потом мы садились ужинать, тему Лены, Вали, Кати и т.д. не поднимали. После ужина я уходил в свою комнату, мать занималась посудой. Ближе к полуночи, заботливая родительница заглядывала ко мне, чтобы пожелать спокойной ночи. И, пожелав, как бы между делом, интересовалась, какой размер ноги у Лены. Или: не задумывалась ли Валя о ринопластике, чтобы что-то сделать со своим выдающимся носом. Или: не мешало бы Кате хотя бы два раза в месяц посещать салон красоты, чтобы приводит в порядок свои неухоженные ногти – ну, ни в какие ворота не входит!

Эта ее фразочка – ни в какие ворота! – применялась в каждом случае: и к Лене, и к Вале, и к Кате...

Пять минут знакомства мать посвящала цепкому изучению внешности моей очередной пассии, чтобы ухватить отклонение, пусть небольшое, от нормы, и своевременно указать мне на него. Если я пропускал ее слова мимо ушей или делал вид, что пропустил, матери не сложно повторить, причем с завидной регулярностью, чтобы мысль крепко засела в моей голове, а правильные выводы не замедлили бы последовать.

Как-то я начал встречаться с Миленой – девушкой «без отклонений», студенткой, красавицей, дочерью состоятельных родителей, чуть выше среднего роста, как моя мать, что не может считаться чем-то неправильным. В общем, придраться было не к чему. По приводить Милену в дом я считал несвоевременным. Даже подумывал сходить для начала в загс, а потом знакомить жену со свекровью. Не тут-то было.

Как пелось в одной песенке: перебежала кошка мне дорогу, ай-ай-ай, и на душе посеяла тревогу, ай-ай-ай...

Черная кошка по имени Анжелика Петровна внезапно перешла нам с Миленой дорогу и рассыпалась в комплиментах. Я так сильно сжал зубы, что едва не отправился прямой дорогой к стоматологу. Наивная девушка светилась от счастья и «алавердывствовала». Ах, как приятно познакомиться с мамой Севочки, ах, какой у нее прекрасный сын, какой воспитанный и все в

том же духе. Сначала я хотел придушить мать, потом Милену. Совладал с желаниями, ни без труда, и увел девушку, чтобы завязочки на искусственно растянутых губах мамочки не лопнули в процессе сопротивления и что-то не случилось с ее лицом, еще хранившем остатки былой красоты.

На этот раз мать долго не ходила вокруг да около, едва я переступил порог, сразу заявила, что мне такая красивая жена не нужна. И коротко пояснила – красивая жена – чужая жена. На что я парировал: ты считаешь, мне нужен крокодил?

Надо признать, что сыновью самооценку касательно внешности мать никогда не принижала. Да и в зеркало я бросал мимолетный взгляд – самолюбований не терпел, поэтому знал, что из себя представляю.

О том, что моя жена просто обязана быть непривлекательной, я не мог предположить. О чем и сообщил притихшей матери, поглядывающей на меня с опасливым ожиданием. Пока я не развил свою мысль, она решила окунуться в прошлое и поведать историю своего знакомства с моим отцом. Оказывается, отец не вынес бойкого интереса коллег по работе к своей супруге, обладательнице неземной красоты. Будто бы супруга не давала ему повода для ревности, но мир в молодой семье держался на волоске. Муж продолжал ревновать и устраивать скандалы на пустом месте. В итоге волосок порвался, папаша помахал нам ручкой и отчалил в неведомые дали. А красавица мать посвятила всю себя без остатка сыночку Севочке, ночей не спала, кормила-одевала-воспитывала, при этом постоянно работала, на бабушек-дедушек не надеялась и вот теперь... приходит какая-то, в данном случае Милена, вся из себя, и пытается увести от нее сыночка Севочку, чтобы потом расшатывать его нервную систему постоянными изменами.

Я ничего не сказал в ответ – бесполезно!

С Миленой мы продолжали встречаться. Но я, волей-неволей, стал наблюдать за ее поведением в обществе, за реакцией общества на нее. Под обществом я, разумеется, подразумеваю мужчин. И что я выяснил? Что на мою женщину засматриваются мужчины. Ничего удивительного в этом нет. Я тоже не исключение – тоже реагирую на красивых и ухоженных женщин.

Не сдержался и высказал свои соображения матери. И что она?

- Сеня, любому мужчине импонирует, когда рядом находится женщина, ставшая центром внимания, ему это льстит, - констатировала Анжелика Петровна.

- Женщине тоже лестно мужское внимание, - не дал ей договорить.
- Конечно, лестно, она чувствует себя желанной! – выпалила мать с ноткой возмущенного осуждения.
- Еще скажи – легкий напор и она готова... на всё, - хмыкнул я, не пожелав уточнить.
- Уж не знаю, - подумав, высказалась мать, - но в любом случае необходимо понаблюдать за ее реакцией на мужское внимание. Лесть ли это или готовность к... благодарности.
- Мам, давай договоримся на берегу: ты больше не станешь оценивать моих женщин и указывать на их недостатки, как не станешь указывать на выдающие достоинства, которые в твоих устах звучат, как недостатки. Иначе...
- Я обещаю, - поспешно проговорила мать, не желая услышать продолжения. Наверное, я был слишком убедительным, чего ранее не случалось. Или мать почувствовала, что на этот раз ее ухищрения не способны разрушить мое счастье с Миленой...

Или другое – она отлично меня знала и надеялась, что ее слова не останутся без внимания.

Слова-семена посеяны и рано или поздно дадут всходы.

Дело разрешиться в пользу Анжелики Петровны, поразившей на этот раз своей выдержкой и терпением...

Для каждой матери болезнь ребенка любого возраста - это большое испытание, тревога, беспокойство, постоянная забота и ожидание счастливого разрешения возникшей проблемы. Логично? Логично. Но не у всех.

Как назло, в период размышлений о дальнейшей жизни у меня случилось отравление. Я пребывал в полубессознательном состоянии, но все-таки заметил удовлетворение в глазах «сестры милосердия», в роли которой выступала моя мать. Вероятно, она считала, что дни болезни, они же дни разлуки, сыграют ей на руку. С глаз долой, из сердца вон, как говорит народная мудрость.

Мне было очень худо, и, естественно, я думать забыл о своей Милене, которая не звонила и не появлялась, что говорило не в ее пользу.

На второй день болезни заговорил о Милене, но мать заявила, что мне лучше посидеть на карантине – мало ли что, вдруг это вовсе не обычное отравление, вдруг болезнь заразная. Чтобы меня не упекли в инфекционное отделение, мы не вызывали врача на дом, надеялись справиться собственными силами. Так и случилось. Через три дня мне стало гораздо лучше, я снова вспомнил о Милене. Мать согласилась ей позвонить. Я прислушивался к разговору и пытался понять, о чем говорит Милена. Согласится ли она прийти меня проведать.

Анжелика Петровна не выглядела победителем, напротив, она выглядела растерянной. Сначала отмалчивалась, потом сообщила, что Милена тоже не совсем хорошо себя чувствует.

- Что-то не так? – заинтересовался я.
- Мне показалось, что твоя девушка... развлекается. В компании.
- Почему бы и нет. Никто не обязал ее сидеть в четырех стенах и ждать, когда я вернусь в нормальную жизнь, - обронил я и подумал: если наша жизнь начинается с вранья, но лучше покончить с отношениями раз и навсегда.
- Тогда ответь мне прямо, сын: ты бы ходил на гулянки, когда твой близкий человек болен? Лично я представить не могу себе ничего подобного! Ты бы сидел у ее постели, помогал как мог, держал за руку и говорил хорошие слова. Я права?
- Я не хочу никого осуждать.
- И не нужно. Но подумать стоит. И приглядеться получше.
- Снова села на своего конька?! Кажется, мы обо всем договорились, - отстраненно сказал я, пребывая в своих горьких размышлениях.
- Я больше не скажу ни слова. Решай сам...

Не знаю почему, но я стал постепенно отдаляться от Милены, ссылаясь на занятость. Милена не из тех девушек, кто станет глубоко копать, желая добраться до истинных причин. Так что расстались мы тихо-мирно.

Я окончил университет, устроился на работу в солидную фирму. Быстро продвигался по служебной лестнице благодаря уму и коммуникабельности. Крутил недолгие романы, ни к чему не обязывающие.

Когда я подошел к цифре тридцать, мать сама заговорила о женитьбе.

- Севочка, у меня возраст, куча болезней, в любой момент я могу уйти. Поэтому должна заранее побеспокоиться о твоём будущем.

Надо признать, что моя мама, родившая меня в сорок лет, в последнее время сильно сдала, хотя, старалась не афишировать свои проблемы со здоровьем. Это меня и беспокоило – значит, проблема, действительно, существует. Я пытался выяснить правду, но мать уходила от ответа. Я уговаривал пройти полное обследование, но она только отмахивалась.

И вдруг бросила такую странную фразу. Я попытался отшутиться, дескать, какие мои годы...

- Севочка, тебе нужна женщина, которая будет тебя любить и заботиться...

- Как ты? – влез я со своим вопросом.

- Меня заменить невозможно, - усмехнулась мама.

- Бесспорно! У тебя есть кто-то на примете? – поинтересовался я голосом бравого гусара, проигравшегося в пух и прах, которому навязывают девушку с богатым приданным.

- Есть, - кивнула она и заправила за ухо выбившуюся прядь волос. Мать заведовала библиотекой в моем университете, поэтому я несколько не сомневался, что моя потенциальная невеста из числа прилежных студенток, которые день-деньской, а то и ночью, штудируют учебники по всем наукам. Оказалось, я немного ошибся. – Моя заместительница, Алина Чеботарева, видела тебя и влюбилась с первого взгляда...

- Она сама тебе призналась?

- Вот еще! Алина девушка скрытная, но у меня есть глаза.

Я представил в образе Алины Чеботаревой «книжного червя» с очками «прощай, молодость», толстой косой до талии, бесцветным лицом, маленькими глазками, картошечным носиком и вечно надутыми губами, словно их обладательница пребывает в постоянной обиде по причине тоски по близкому другу, существующему в ее воображении.

Будто прочитав мои мысли, мать сразу заявила:

- У Алины вполне обычная внешность, она не красавица, надо это признать, точнее – не выразительная у нее внешность, но у Алины есть свои достоинства: она умна и немногословна. В ней чувствуется... происхождение.

- Она... хм... из бывших-с? Ее предки после революции рванули за кордон? Что ж она делает в России? Засланный казачок? Выведает все тайны научной библиотеки и оставит секретные сведения в условленном месте – под поваленным деревом в заброшенном городском парке, - выпалил я, при этом прищурил глаза, покачивая головой, выказывая невероятную догадливость в купе с осуждением – я-то патриот! – Вам, Анжелика Петровна, надобно не свахой выступать, а сдать ее госорганам. Получите медаль и материальное поощрение.

- Хватит ерничать! Я серьезно...

- И я серьезно.

Анжелика Петровна какое-то время сидела с хмурым видом, ожидая реверансов с моей стороны. Но, не дождавшись, продолжила начатую беседу, словно никаких некорректных выпадов и не было.

- Улыбка у Алины просто замечательная! – восхитилась мать, сама светясь от счастья. Можно подумать, замечательная улыбка Алины была ее заслугой.

- Когда Алина улыбается, визави улыбается в ответ, - проворковал я.

- Так и есть. Не вижу ничего плохого, - еле сдерживая гнев, проговорила мать. Вероятно, мои легкомысленные словесные уколы ее доконали, но разругаться вдрызг в ее планы не входило. Этак я точно откажусь от знакомства с «завидной невестой».

- Надеюсь, она не твоя ровесница? - втиснулся я со своим вопросом, надеясь разрядить напряженную обстановку.

- Тоже скажешь! – всплеснула руками Анжелика Петровна Монетова. – Ей двадцать шесть, всего лишь.

- Давно пора... определиться... Или желающих не нашлось?

- А то ты не знаешь, как бывает – умница остается в девках, а та, на которую клейма негде ставить, счастливо живет в браке.

- Не знаю, - отрубил я.

- А какой у Алины характер!

- Какой? – подобрался я.

- Прекрасный! Она всегда спокойна, сдержанна, уравновешенна, худого слова не скажет...

- Без сомнений, засланный казачок, - с печалью протянул я.

Игнорируя мои слова, Анжелика Петровна продолжила «зачитывать характеристику» на свою ближайшую подчиненную:

- Замужем не была, детей нет. И еще один немаловажный плюс - мать Алины Чеботаревой живет на Урале, так что донимать тебя просьбами будущая теща не станет.

- Но, если приедет в гости, то гостить будет до марковкиного заговения: за тридевять земель на пару дней не приезжают.

- Все сказал?

- Анекдот на тему: теща приезжает в гости, а зять спрашивает: «Мама, вы надолго?» - «Пока не надоем» - «Так вы что, и чаю не попьете?».

- Растишь детей, растишь, и вот тебе благодарность.

- Mam, это всего лишь анекдот. Выводы здесь неуместны.

В тот же день Алина пришла к нам в гости. Принесла торт и бутылку шампанского. Торт оказался вкусным, шампанское приличным. За столом мы вели светскую беседу. Девушка оказалась приятным собеседником, напичканным разной информацией – сказано, библиотечный работник.

Улыбка у Алины, действительно, оказалась заразительной, если можно так выразиться. В общем, встреча на «высшем уровне» прошла в приятной и доверительной обстановке. Когда гостья решила откланяться, я вызывался ее проводить, заслужив от матери благодарный тычок в спину, весьма ощутимый. Как бы намек на то, чтобы я брал быка за рога, а не ходил вокруг да около.

По дороге выяснилось, что Чеботарева живет в студенческом общежитии, где я когда-то весело проводил время в компании своих однокурсников. Отдельную комнату в общежитии Алине выхлопотала Анжелика Петровна...

Через два месяца мы с Алиной расписались. И еще через месяц судьба нанесла мне болезненный удар - скончалась мама. Видимо, предвидя скорый уход, она взяла с меня слово, что я никогда не расстанусь с женой: все-таки оказался в надежных руках. Якобы так мне привычнее, а матери спокойнее. Я разозлился, но вида не подал. Слово дал, ничуть не думая, что исполнять его придется слишком скоро.

Алина показала себя во всей «красе»: оказалась не тем прекрасным человеком, за которую ее все принимали.

После смерти матери, маски были сброшены.

Жена постоянно устраивала мне сцены ревности, причем без всякого повода. Потом начала открыто мне изменять. Я предложил ей развестись, она заявила, что не может нарушить клятву, данную моей матери – будет нести свой крест до конца жизни. Оказывается, мамочка и здесь расстаралась.

Я пытался уговорить, задобрить, объяснить, что жизнь в сумасшедшем доме невыносима нам обоим, что будет лучше расстаться, разменять квартиру и забыть друг о друге. Дошел до того, что обещал уйти налегке и оставить квартиру ей, надеясь, что привел разумный довод.

Не пойму, чего она добивалась. Страх нарушить данную матери клятву – так себе аргумент. Я просто ушел. Мыкался по друзьям, потом снял квартиру. Алина явилась ко мне на работу и устроила грандиозный скандал. Слух дошел до начальства. Я едва не лишился своего насиженного места руководителя отдела продаж. Повезло, что вышестоящее руководство тоже несло потери от крепких брачных уз, поэтому вошло в мое положение и оставило все как есть, но убедительно попросило навести порядок в семье, иначе... Что должно последовать на этом «иначе», знали все сотрудники – выдворение из солидной компании: раз не можешь навести порядок у себя дома, значит, на тебя ни в чем нельзя положиться. Пришлось вернуться «в семью».

У каждого человека своя излюбленная фраза-паразит, вызывающая гнев разной степени у других людей. У мамы – ни в какие ворота, у Алины – несу свой крест до конца дней, у владельца бизнеса... «см выше».

Кажется, я дошел до крайней черты. В противном случае мне никогда не пришла бы в голову ужасная мысль: чтобы Алина перестала нести свой крест в моем лице, ее необходимо... довести до гробовой доски.

Вероятно, мы с Алиной двигались в одном направлении. С каждым днем я все чаще стал замечать за собой внутренние изменения – быстрее уставал, плохо соображал, ощущал рези в животе. Недолго думая, отправился к своему школьному другу, с горем пополам получившему диплом врача. Несмотря на это, он оказался прекрасным специалистом, спасшим ни одну человеческую жизнь. Я сдал анализы. Результат оказался ошеломительным – на протяжении недолго времени меня потчевали мышьяком. Мне повезло, что я обратился сразу, в противном случае последствия не заставили бы себя ждать.

Интересно, на что рассчитывала моя супруга? Вдруг, ни с того, ни с сего, умирает здоровый мужчина в полном расцвете сил и никто не станет делать вскрытие, устанавливать причину смерти? Так, что ли? Или она думала, что деньги решают все? Пусть не деньги, что-то другое. Каким образом она собиралась выпутаться из этой истории?

Вопрос на животрепещущую тему имел один ответ: естественно, отравителем является моя супруга. Спроси, кому выгодна моя смерть, и сразу поймешь.

У следственных органов тоже первое подозрение падает на супругу. И дураку ясно. Но Алина вовсе не дура. Или у нее помешательство рассудка?

Возникло острое желание отправить Алину на психиатрическую экспертизу. Других вариантов нет.

Допустим, ты не хочешь жить с нелюбимым мужчиной. Что из этого следует? Подавай на развод, тем более, противоположная сторона двумя руками «за». И более того – готова на все выдвигаемые условия, только бы забыть о браке, как о кошмарном сне. Ан, нет. Значит, сошла с ума.

Конечно, мой приятель-медик тотчас поинтересовался, как это меня угораздило. Выслушав мои умозаключения, порекомендовал отправится в полицейский участок и написать заявление, приложив к нему неутешительные результаты анализов.

Я бросил: надо хорошенько всё обдумать, попросил его не распространяться и ушел, пообещав в скором времени принять решение, дабы не угодить «в ящик», согласно желанию недоброжелателя.

Не смог я смолчать, не смог сдержать рвущееся наружу возмущение - устал за тридцать один год быть бесхребетным и безмолвным существом. В данных обстоятельствах непозволительное поведение, ведь на кону собственная жизнь.

Был еще вариант – не принимать пищу из рук Алины. А еще лучше - отдать приготовленное ею блюдо на экспертизу. В случае положительного результата - в ином нисколько не сомневаюсь, отправляться в полицейский участок, как требовал приятель. Так сказать, переложить проблему с больной головы на здоровую.

Но раз полученная информация огненной лавой лилась из меня, то тайно брать продукты на экспертизу стало поздно. Уж очень захотелось поразить

супругу своими познаниями и полюбоваться ее перекошенной физиономией. Потому выложил всё с порога, в качестве доказательства припечатал ладонью лист бумаги. Алина внимательно изучила результаты анализов, сделала круглые глаза, фыркнула и тут же выдвинула предположение, что это дело рук одной из моих отвергнутых любовниц.

- Нет у меня никаких любовниц! Нет и не было! - деляя паузы между словами, четко выговорил я.

- Ври больше! – бросила мне мегера. – Сам подумай, как бы я потчевала тебя мышьяком, если мы едим из одной кастрюли. Что, прямо у тебя на глазах подсыпаю яд в тарелку?

Я задумался. Но от обвинений в адрес Алины не отказался.

В тот же день отлил супа из тарелки в баночку и отнес в лабораторию. Ясное дело- дурацкая затея: кто предупрежден, тот вооружен. Надо было сначала думать, а потом шашкой махать. Идиот.

Результат меня не удивил: оказался отрицательным.

Как действовать дальше? Без сомнения, Алина не откажется от своей затеи спровадить меня на тот свет. Всего лишь выдержит паузу, потом найдет другой способ.

Надо быть начеку.

Нападения на улице можно ожидать в любой момент – якобы напал грабитель, приложил тяжелым предметом по моей бедной черепушке. Преступник точно не оплошает. И место для нападения подходящее найдет – ни тебе камер наружного наблюдения, ни тебе свидетелей.

Лучше всего вообще не выходить на улицу...

Кажется, у меня начинается паранойя... Чтобы паранойя не развилась до невероятных размеров и привела к катастрофе, на радость Алине, я решил действовать на опережение.

Я, тихий-мирный человек, решил защитить свою жизнь... непривычным для себя способом. Увы, другого выхода я не вижу...

Подумал об отравлении, но сразу его исключил. Надо действовать хитрее.

И тут мне помог случай. Вернее, несчастье с человеком, которого я никогда не видел.

Утром Алина убежала на работу, а я задержался. Раздался звонок стационарного телефона. Он так резко звонит, что я не сразу сообразил, что за звук разбавил тишину квартиры.

Звонила соседка моей тещи с трагическим известием – мать Алины скончалась. Оказывается, она не может дозвониться моей жене на мобильный телефон, повезло, что в блокноте тещи отыскала номер домашнего телефона.

Сначала из гуманных соображений, а затем по причине несвойственной мне хитрости я не стал сообщать новость по мобильнику. Отправился к Алине на работу, по дороге выискивая собственную выгоду в данном печальном известии. Что-то мне подсказывало – выгода есть.

Вдруг в голове что-то щелкнуло и всё мигом стало на свои места: я понял, как мне следует поступить.

Удача была на моей стороне. Алины на рабочем месте не оказалось, она была на каком-то совещании. Сумка валялась на стуле. Я надеялся, что ее мобильный телефон именно в сумке, что она не прихватила его с собой. Незаметно достал телефон, нашел в списке абонентов номер тещи и исправил всего одну цифру, надеясь, что дочь не помнит наизусть номер матери: с цифрами у библиотекаря всегда были проблемы. Только справился с ответственным делом, как на пороге кабинета возникла знакомая фигура.

Алина вопросительно взглянула на меня и с усмешкой поинтересовалась:

- Неужто соскучился?

- Твоя мать не может тебе дозвониться, поэтому позвонила на домашний, - сообщил я деловым тоном и поджал губы, выражая неудовольствие: не было никакого желания являться пред ее очи и менять личные планы.

- Не стоило утруждать себя – мог бы позвонить, - брякнула супруга, не выказывая беспокойства.

Я находился в бывшем кабинете моей матери, поэтому чувствовал себя препогано. Мать всегда учила меня: врать нехорошо.

Неожиданно накатил волна недомогания. Стены закрутились вокруг меня, полы закачались, тошнота подкатила к горлу, я хотел сорваться с места и укрыться в туалете, но волна как мгновенно накатила, так мгновенно и отступила. Вероятно, свежий бодрящий воздух, проникающий из открытого окна, вернул меня в нормальное состояние.

- Мама ничего тебе не объяснила? – пристально наблюдая за мной, спросила Алина.

Я поводил перед ее носом указательным пальцем – не дожدهшься! Она стушевалась и взялась за сумку. Зашарила в ней руками, желая отыскать мобильный телефон. Мобильник быстро отыскался.

Я испытал неловкость за свою ложь. Но другого выхода нет: с волками жить, по-волчьи выть.

И сомнения ушли окончательно.

Алина долго слушала тишину в трубке.

- Наверное, связь плохая: твоя мать сидит в купе поезда, который мчит ее в славный курортный город Пятигорск.

- Неужели она, наконец, купила путевку в санаторий, чтобы поправить свое здоровье? – не поверила женщина.

- Представь себе! - театрально развел я руками. И запоздало об этом пожалел-надо быть естественным, тогда тебя никто не заподозрит в неблаговидном действии! - Теща сказала, что приобрела путевку за сущие копейки, основную часть выплатило родное предприятие, которому она отдала много лет. – Тещу я никогда не видел, только на фотографии, но о ее жизни кое-что знал от дочери.

- Оценили труд по достоинству, только и всего, - с явным удовольствием заметила жена. – Так она позвонила, чтобы сообщить о поездке?

- Она позвонила, чтобы сказать: ей хочется с тобой повидаться. Поезд проходит через наш город, стоянка поезда двадцать минут, так что вы успеете пообщаться.

- Надо узнать в справочной ж/д вокзала, когда поезд прибывает.

- Я все уже выяснил - в пять утра. Я бы тебя довез, но в семь утра у меня самолет. Если ты не забыла, я улетаю в командировку. - Про командировку я не соврал.

- Не переживай, я сегодня забираю машину из сервиса.

При мне Алина опять попыталась дозвониться матери, но у нее ничего не вышло.

- Не переживай, завтра вы встретитесь. Главное, что ты знаешь, где и во сколько, - бросил я и покинул библиотеку...

Вечером мы с женой почти не разговаривали. Она только спросила, в каком вагоне едет ее мать.

Анжелика Петровна Монетова частенько проходила лечение в санаториях Кавказских Минеральных вод, поэтому я был прекрасно осведомлен о нужном мне скором поезде дальнего следования. Поэтому казенным голосом сообщил:

- Теща едет в первом вагоне. Но учти - нумерация вагонов с хвоста поезда... Надеюсь, ничего не изменилось с прежних времен.

За час до прибытия поезда Алина уехала, мило пожелав мне счастливого пути. Я натянуто улыбнулся. Когда ее машина выкатилась со двора, я выскользнул из квартиры, прихватил свой походный баул...

На перроне было немногочисленно.

Одинокая женская фигура стояла у края платформы и смотрела в ту сторону, откуда должен показаться поезд. Когда он появился и стал подбираться все ближе и ближе, я незаметно подкрался сзади и с силой толкнул женщину в спину, надеясь, что она не успеет избежать смерти...

Автомобиль я оставил за пределами вокзальной площади. Скорым шагом добрался до машины и поехал в аэропорт...

В аэропорту я узнал из новостной ленты, что на ж/д вокзале произошла трагедия: неизвестная женщина бросилась под поезд. Полиция пытается установить личность погибшей.

Я сделал ЭТО! Я свободен от больших желаний! Я торжествую!

На следующий день я погрузился в служебные дела, по причине которых и прибыл в другой город. Но от важных дел меня оторвал телефонный звонок.

Новость меня потрясла.

Оказывается, моя супруга попала в автомобильную аварию и оказалась на больничной койке. Состояние тяжелое, но угрозы жизни нет.

Я был раздавлен. Я не понимал, как погибшая на железнодорожных путях Алина переместилась в автомобиль, а затем угодила в автоаварию. И теперь находится в больнице, куда я приду, и где мне наденут наручники.

Как говорится – не умеешь, не берись. А взялся – отвечай.

Пришлось спешно возвращаться в город, надеясь на удачу, которая решила отвернуться от меня. А как хорошо всё начиналось!

По прилету я прямо из аэропорта отправился в больницу, испытывая зашкаливающее волнение.

В чудеса воскрешения я пока не верил. Тогда что произошло и как так вышло?

Опять подкатила тошнота. Я свернул на обочину, успел вывалиться из салона и меня вывернуло наизнанку. Умылся теплой водой из бутылки, прополоскал рот. Немного отпустило. Откинулся на сиденье и закрыл глаза. До меня донесся слабый голос моей мамы. Она привычно меня воспитывала. Я тряхнул головой, завел двигатель и продолжил путь.

На негнущихся ногах вошел в больничную палату вместе с доктором.

Каково же было мое удивление, когда на больничной койке я увидел незнакомую мне женщину. Ее голова была перебинтована. Лицо тоже сильно пострадало, но пострадавшая точно была не Алиной. Хотя имела с ней сходство.

Незнакомка открыла глаза, увидела меня и настороженно уставилась. Ее взгляд был сосредоточен на моей переносице. Переносица зачесалась. Я не выдержал и поскреб ее указательным пальцем, выказав задумчивое волнение. По крайней мере, именно так воспринял мое действие лечащий врач.

- Всеволод Егорович, у вашей жены черепно-мозговая травма,- сообщил он, - поэтому возможна временная потеря памяти.

- У нее – возможно, но не у меня, - пробормотал я себе под нос.

- Вы что-то сказали?

- Нет, ничего.

После заявления доктора, лицо незнакомки просветлело, она попыталась улыбнуться и сконфуженно произнесла:

- Здравствуй, милый.

- Вы можете оставить нас наедине? – попросил я доктора.
- Только недолго, вашей супруге необходим отдых.
- Девушка, вы кто такая? И почему выдали себя за мою жену? – процедил я сквозь зубы, когда мы остались наедине.
- У меня встречный вопрос – почему вы не сказали правду? А? Почему скрыли, что я не ваша жена? Получается, Всеволод...эээ... Егорович, кажется, так назвал вас доктор, у вас есть веская причина для сокрытия данной информации? – Для своего состояния она была слишком приткой и сообразительной.
- Начнем сначала.
- Поженимся? – усмехнулась авантюристка.

Я скривился, как будто мне скормили ненавистное с детских времен малиновое варенье, как напоминание о затяжной простуде.

- Де-вуш-ка, - по слогам проговорил я шепотом, - давайте для начала вы мне поведаете свою...хм... историю, а потом я расскажу вам свою.
- Выдуманно-сочиненную на ходу? - прищурилась чертовка.
- У вас есть выбор?
- А у вас?
- Не стоит играть словами с пинг-понг. Сейчас вернется доктор и выставит меня из палаты. А нам, как вы понимаете, необходимо договориться.
- Иного выхода нет, - приуныла она, но ее уныние, как мне показалось, никак не связано с желанием скрыть от меня свою тайну. Проблема кроется в ее недавнем прошлом, о котором она мечтает поскорее забыть. Именно поэтому она с легкостью присвоила себе чужое имя.

Я оказался прав.

- Я сбежала от мужа-тирана, - после паузы призналась незнакомка. - Выскочила из вагона, когда поезд начал набирать скорость. Никакая сила не смогла меня удержать, хотя, я могла сломать себе шею, или того хуже – погибнуть. На каждой станции я хотела сбежать, но каждый раз отказывалась от затеи. И вдруг... Сама от себя не ожидала... Я страшная трусиха... И не перестала ею быть: боюсь, что мой муж меня найдет и...накажет. – В ее глазах притаился такой испуг, что я нисколько не усомнился в ее словах.

- Но как вы оказались...- начал я, но девушка меня перебила.
- Когда я выскочила на привокзальную площадь, то увидела, как из автомобиля выходит молодая женщина. Она была сильно озабочена, постоянно пыталась до кого-то дозвониться. Так была сосредоточена на звонке, что забыла ключи в замке зажигания.
- Вышла, позабыв совершить автоматические действия? –не поверил я, хотя, знал за женой такую привычку. Делать два дела одновременно - это не про нее. А волнение, вообще, напрочь отключает мозги. Взять случай с мышьяком...
- Говорю же – женщина была сильно озабочена и озадачена. Наверное, у нее что-то произошло. Вот и забыла ключи в замке зажигания.
- Она скрылась в здании вокзала, а вы юркнули в салон и поехали куда глаза глядят?
- Так и было, думала об одном – только бы подальше от этого места. В вашем городе я впервые, куда ехать, не задумывалась, гнала и гнала автомобиль, нарушая все правила дорожного движения, угодила в аварию, разбила автомобиль, и сама пострадала. Странно, что ничего себе не сломала. Лицо вот разбила. И головой приложилась к лобовому стеклу. Пристегнуться забыла. Потеряла сознание, на машине «Скорой помощи» доставили в больницу. В машине обнаружили водительское удостоверение - установили... мою личность. Нашли родственников... Вас, значит, и сообщили об аварии... Теперь ваша очередь рассказывать.
- Погодите, - отмахнулся я. – Неужели никто не догадался, что вы совершенно другой человек?
- У меня лицо пострадало, - повторилась она. - Наверно, мы с вашей женой похожи, ничего другого мне в голову не приходит... Похожи?
- Сходство есть, не отрицаю. Она чуть старше, а так... вас можно принять за нее.
- Вот видите!
- А чему это вы так обрадовались?! Я могу рассказать, что вы авантюриста. И вас вернут мужу. Еще осудят за угон чужого транспортного средства.
- Хотели бы рассказать о подлоге, сразу бы рассказали. А вы ничего не сказали, следовательно, у вас есть веская причина... С вашей супругой произошло

несчастье... по вашей вине? Потому вы зашли в больничную палату с таким лицом, будто сию минуту увидите привидение?

- Откуда вам знать, какое у меня было лицо, вы были без сознания.

- Много вы знаете. Я давно пришла в себя, но не спешила об этом сообщать. Я должна была узнать, что меня ждет. Медсестрички говорили, что сейчас придет мой муж.

- Вы подумали о своем муже-тиране?

- Даже не знаю, - ответила она, подумав. – Очень надеялась, что это не он. А что случилось с вашей женой? Она... жива?

Я лишь отрицательно покачал головой и оглянулся на дверь.

- Если обнаружат ее тело, и вся правда всплывет, то нам с вами несдобровать, - с трудом сдерживая волнение, проговорил я шепотом.

- А... это... возможно?

- Не знаю. Будем надеется на лучшее, но... готовится к худшему.

- Можно без «но»?

- Договорились, - слишком быстро согласился я. - Тем более, документов при ней не было. Паспорт она забыла дома, а водительское удостоверение нашли в машине.

- Значит, вы Всеволод Егорович Монетов? – зачем-то уточнила девушка.

- Это я. А вас как звать-величать?

- Людмила, - назвалась она. – Была когда-то. Теперь я Алина Викторовна Монетова.

- На что вы рассчитываете? - прищурившись, спросил я.

- На вашу помощь.

- Как я могу вам помочь? Дать денег на пластическую операцию? А потом убедить коллег моей жены, что вы потеряли память после аварии?

- Будет проще навсегда покинуть этот город и перебраться туда, где нас никто не знает... У настоящей Алины есть родственники?

- Была мать, но она недавно скончалась.

- Хорошо... В смысле, плохо, что скончалась... Так что вы решили?
- Для начала нам лучше перейти на «ты».
- Это ответ на мой вопрос?
- В любом случае мне нужно все обдумать.
- Думайте быстрее. Долго меня в больнице держать не станут...

Через неделю мы с Людмилой-Алиной сидели в салоне авиалайнера, который направлялся в столицу нашей Родины, где затеряться легче всего.

На удивление, регистрацию мы прошли спокойно, никто не заметил подмены. Правильно говорит мой друг Митька: по фото в паспорте родная мать не узнает собственного сына.

Неделя выдалась непростой, поэтому я сразу погрузился в сон. И пробудился, когда самолет начал крениться в одну сторону, потом в другую. После чего его вообще перевернуло пузом вверх. Благо вскоре самолет вернулся в прежнее, привычное положение, но на смену короткому успокоению пришел безумный страх: авиалайнер затрясся и начала падать вниз.

Вся жизнь пролетела у меня перед глазами, а мозг сверлила одна мысль – за все нужно платить. За все. Увы, расплата пришла слишком быстро.

Вокруг кричали люди. Плакали дети. Меня сильно мучило. Голова падала на грудь, я отключался на пару секунд и тут же приходил в себя. Лучше мне умереть сейчас, пока мы не рухнули на землю. Пусть мое сердце разорвется, пусть придет конец. Скорее... Мамаааа...

- Что вообще происходит? – донесся до моего помутневшего сознания возмущенный голос. Я с трудом разлепил тяжелые веки и попытался сфокусировать зрение. Вышло так себе – увидел расплывчатое изображение женской фигуры. Весьма упитанной, выше среднего роста. Прикрыл глаза, выдержал паузу и снова открыл. То, что я увидел, повергло меня в шок. Вернее сказать, кого увидел. Да уж, неожиданно, но предсказуемо.

Я умер. Оказался на том свете и повстречал покойную маму, что не удивительно: рано или поздно это должно было случиться. Лучше позже, конечно, но человек предполагает, а Бог располагает.

Не знал, что сказать, и выдавил из себя:

- Весьма рад встрече. – В голове сильно шумело, во рту пересохло, руки дрожали, яркий свет больно резал по глазам.

На маме было надето легкомысленное платье, которое можно назвать торжественным. На голове легкий каламбур с завихрениями. Весьма кокетливо.

Сначала мама стояла в позе сахарницы, потом принялась стаскивать с меня одеяло. К моему приветствию родительница отнеслась пренебрежительно, только фыркнула в ответ и поморщила нос.

Я ухватился за край одеяла, вышел победитель в неравной схватке и с приветливой улыбкой спросил:

- У вас... здесь... так принято ходить – при наряде и с прической «я упала с самосвала, тормозила головой»?

- Как тебе не совестно, Всеволод! - с укором произнесла мать. Вставила пальцы в прическу, словно гребни, пошерудила, взбила и успокоилась. Естественно, покосилась на свое отражение в зеркале и одарила себя удовлетворенной улыбкой. Потом пригладила непослушные волосы обеими ладошками.

- Поплевать забыла, - ляпнул я, наблюдая из-под одеяла.

- На тебя? Чтобы не сглазили?

- На ладони, чтобы совладать с... вихрами. Видимо, с расческами у вас здесь напряженка.

- У нас с нормальными детьми напряженка! - выпалила Анжелика Петровна.

- Если бы я был такой-сякой-плохой, то не попал бы с тобой в... одно место, - рассудил я, нахмурившись. – Раз ты, душа-человек, попала в рай, а я последовал за тобой, то можно смело заявить: я тоже хороший человек. Конечно, у меня есть недостатки, но у кого их нет, - развел я руками, оставив в покое одеяло.

- Севка, ты что, пьяный до сих пор? – просверливая во мне взглядом огромную дыру, вкрадчиво поинтересовалась мать.

Я прислушался к себе и понял одно – мне нехорошо. В голове шум и гам, в горле застрял комок и мешает дышать, во рту и того хуже – переночевала рота

гвардейцев. И пить ужасно хочется, как будто я шел по пустыне не меньше трех дней... Может, самолет разбился в... безводном месте? Выжил я один, долго шел... О чем это я?.. Если я выжил, от откуда здесь взялась моя покойная мать, которая выглядит лучше, чем при жизни. Никогда не видел ее в таком красивом праздничном платье. Или сегодня вечеринка по случаю моего прибытия? Вдруг здесь так заведено? Порядков здешних я не знаю...

- Я понимаю, мальчишник, то се, гульба в общем, но нельзя же допиваться до поросычьего визга! - продолжала возмущаться Анжелика Петровна. - Надо возвращаться домой на своих двоих, а тебя друзья принесли, как неодушевленный предмет! Уложили на диван и ушли!

- А... без мальчишника... никак?.. Сюда не берут без... проводов? Или правильнее сказать – без поминок. Насколько мне известно, покойный на них... на поминках не... присутствует... Или мертвым мало что известно об этом, прошедшем накануне, м...мероприятии?

- Значит так, сейчас ты идешь в ванную и принимаешь контрастный душ, потом я напою тебя крепким кофе. И давай побыстрее, у нас времени в обрез.

- Нет, я, конечно, понимаю, что ты рада меня видеть, даже... при... принарядилась и причесон соорудила, - совершил руками над своей головой броуновское движение и продолжил в полном недоумении, - однако повод, скажу тебе честно, так себе... Молод я еще... Жаль старость не увижу и не прочувствую...

- Не понимаю, о чем ты, - перебила меня мать и совершила поистине благородный поступок – протянула мне стакан воды. Я залпом его осушил и вытер губы тыльной стороной ладони.

- О чем, о чем, о том, - философски ответил я, возвращаясь в горизонтальное положение.

– Если о бракосочетании, но совсем не рано жениться – тебе ж не восемнадцать... Хотя и не тридцать...

- А сколько? – настороженно спросил я.

- Эх, ты... Неужели забыл после вчерашней попойки?

- З...забыл.

- Двадцать три. На днях ты получил диплом о высшем образовании.

Да, брось ты, - отмахнулся я. – Разыгрываешь? – после паузы с надеждой спросил я. Мать отмолчалась, только хмуро взирала на меня.

- Мне тридцать один и ни годом меньше... И меня, увы, уже нет на грешной земле, - промямлил я со слезой в голосе.

- Пора бы уже приземлиться на нашу грешную землю, а не витать в парах алкоголя.

- Хорошие у меня друзья, проводили на славу, - не обращая внимания на пожелания, проговорил я. В голосе никакого намека на благодарность. Конечно, они живут и здравствуют, а я...

- Хватит причитать, поднимайся!

Я с трудом сел на кровати, спустил ноги, осмотрелся и заметил темно-синий костюм на вешалке. Из костюма выглядывала белоснежная сорочка и синий галстук с белую крапинку.

- Меня в... этом провожали? – вздохнув с печалью, задал я риторический вопрос.

Мать врезала мне ощутимый подзатыльник.

- Пришел в себя, начинающий алкоголик? – придушенным шепотом спросила она.

- Негоже в раю руки распускать, - посопел я, потирая ушибленное место.

- Сейчас я быстро перемещу тебя в ад! – взорвалась родительница.

- Не в ваших силах, Анжелика Петровна! - с задорной радостью воскликнул я, мгновенно сменил задор на грусть и монотонно произнес, - всё в руках божьих.

- Севка, ты нормальный?!

- Наверное, нет, раз ушел из жизни в тридцать один год, - подумав, ответил я.

- Если ты хочешь сказать, что после свадьбы жизнь закончена, то я спешу сообщить тебе обратное...

- У меня складывается такое ощущение, что мы с тобой говорим с тобой на разных языках, - не дал я договорить.

- Конечно, на разных – я на нормальном русском, а ты... бредишь!

- Мне плохо. Мне очень плохо.
- На тумбочке стоит еще стакан с рассолом, выпей – полегчает. А потом...
- Знаю, потом - душ. Надо быть чистым, в противном случае...А что будет в противном случае? – задумался я.
- Невеста от тебя откажется!
- Невееста, - протянул я. – Выходит, ты и здесь расстаралась – новую жену мне нашла?
- Новую? Почему про старую я ничего не знаю?
- Как же, как же, не знает она, - пробубнил я, обращаясь к матери в третьем лице. – Про Алину уже забыла?
- Про Алину? А это кто?
- Твоя... правая рука, - напомнил я и внимательно изучил собственную правую руку. На безымянном пальце не было обручального кольца. – А где мое... к...колечко? - запинаясь, спросил я.
- Оба кольца в коробке, а коробка в надежном месте. Не переживай, у меня все под контролем... Сев, ты долго будешь сидеть?
- Хотя бы здесь я могу никуда не спешить?!
- До регистрации, конечно, еще достаточно времени, но пора приводить себя в божеский вид. Ты в зеркале себя видел?
- За тридцать прожитых лет порядком насмотрелся.
- Сегодня выглядишь из ряда вон – если полюбишься на себя, много нового заметишь.
- Не мудрено – мертвые разительно отличаются от живых.
- Пошутили и будет.
- Ох, не до шуток мне.
- Я сейчас позвоню Милене...
- Погоди! А Милена тоже здесь?

- С чего бы ей быть здесь? У нее тоже накануне была вечеринка с девчонками, мы с ней по телефону разговаривали поздно ночью. И в отличие от тебя, твоя невеста была в прекрасной форме.

- Жаль ее, молодая, красивая, еще бы жить и жить...

- Если будешь продолжать в том же духе, то быстро сведешь в могилу сначала мать, потом жену.

- Хочу честно во всем признаться – я убил свою жену. Алину. Наверное, после этих слов меня... Что с такими чудиками делают? На костре поджаривают? Одним словом – полная мне хана! Так что давай прощаться, мамуля, место в раю ты мне забронировала зря.

Мать с силой влила мне в рот огуречный рассол, потом запихнула в ванную. Я принял ледяной душ и постепенно начал кое-что соображать.

Не знаю, сколько времени я провел в ванной, а, когда вышел, увидел мать с букетом цветов в руках. Она изучала букет на расстоянии вытянутой руки и удовлетворенно улыбалась.

- Как тебе? По-моему, вполне симпатичный.

- Ма, что происходит? - задал я прямой вопрос.

- Как что? Сегодня мой сын женится на своей любимой девушке Милене, чему я очень рада! Посыльный доставил цветы...

- На Милене, значит. Но ты же говорила, что красивая жена – чужая жена. Про Милену.

- Ну, во-первых, красота – понятие относительное, во-вторых, я ничего подобного не говорила.

- Допустим. Но что мы будем делать с Алиной?

- Не понимаю, о ком ты толкуешь?!

- Алина, она работает в твоей библиотеке, - тщательно выговаривая слова, произнес я. – И вот что я еще не пойму: время идет, годы летят, а мне опять... двадцать три. Неужели подобное случается?

- Плохо дело. Одна надежда на пару чашек крепкого кофе, - пробормотала мать и отправилась на кухню.

Затрезвонил мой мобильник. Звонил близкий друг Митька.

- Сева, как ты?
 - Норм.
 - А у меня была бурная ночь. Помнишь Алинку? Ну, ту девчонку, с которой мы вчера в баре познакомились. Она еще к тебе клеилась, потом узнала, что ты завтра женишься, и переключилась на меня.
 - Алинка? Не помню.
 - Не удивительно. Вчера мы отлично погуляли! – мечтательно протянул друг.
 - Как в последний раз.
 - Дай бог не последний!
 - Так что там с Алинкой? – заинтересовался я.
 - Лучше с такой девицей дела не иметь, - подумав, ответил Митька. – Когда всего через край – это не хорошо. Я предпочитаю среднее арифметическое.
 - Мить, я правда сегодня женюсь на Милене?
 - А то! Сколько лет ее добивался! Мечты, брат, сбываются... Сев, с тобой все нормально? – подобрался он.
 - Такая ерунда всю ночь снилась, никак в себя не приду, - признался я, наконец, осознав, что произошло.
 - Забудь!
- Как же здорово, что это всего лишь сон, - подумал я и стянул костюм с вешалки.

Ноябрь-декабрь 2021г.